

В полночь, озаряемый светом звезд и луны, Сюэ Фэйфэн прошел по извилистым галереям горной виллы и увидел, что в комнате всё еще горит свет: Шэнь Цинжань ждал его.

— Жань-Жань.

Шэнь Цинжань отложил кисть. Выслушав горести Чан Суя, он совершенно расхотел спать. Вместо этого он велел юноше растереть тушь и принялся расписывать свои сельскохозяйственные планы на будущее.

Четвертый и пятый месяцы лунного календаря — время сеять хлопок. Высокоурожайные сорта могут давать до восьмисот килограммов с одного му, а если достичь селекционной цели в девятьсот килограммов, Система вознаградит его двадцатью тысячами баллов.

Учитывая ограничения по воде и удобрениям, Шэнь Цинжань понимал, что четыреста-пятьсот килограммов с му — это его потолок.

Если на одну ватную куртку уходит два цзиня очищенного хлопка, то на сто тысяч человек потребуется двести тысяч цзиней. Значит, нужно засеять как минимум пятьсот му. Вычитая те двести му, которые он уже поручил засеять хлопковыми семенами через виллу «Тянься», ему предстояло лично посадить еще триста му. И желательно сделать это в ближайшие полмесяца, чтобы успеть обеспечить солдат зимней одеждой в этом году.

Обсуждая дела с Му Вэнькоу целую половину дня, он просмотрел все купчие на землю от начала до конца и составил в уме примерную картину того, как распределены владения виллы «Тянься». Он даже набросал на бумаге карту, отметив, где и что следует посадить. В это время хлопок был важной товарной культурой в Цзяннани. В Цинчжоу и Миньчжоу вилле «Тянься» принадлежало шесть хлопковых поместий, что в сумме давало чуть больше шестисот му земли.

Каждый клочок земли — это вопрос выживания людей. Вилла «Тянься» не могла предоставлять землю безвозмездно. Даже если бы Му Вэнькоу и захотел, его подчиненные не согласились бы: крестьяне вкладывают труд, а весь годовой урожай Шэнь Цинжань забирает на нужды армии? Такого не потерпел бы даже самый богатый человек империи.

Поэтому они с Му Вэнькоу договорились: Шэнь Цинжань забирает только ту часть урожая, которая превышает обычную норму (прирост), а семена для следующего года станут вознаграждением виллы. Это означало, что ему придется засеять на двести му больше, то есть снова вернуться к цифре в пятьсот му.

Услышав шаги Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань поспешно спрятал карту и зевнул:

— О чем вы с мастером Му говорили так долго?

— Да так, о разном. Впредь не жди меня так поздно, — Сюэ Фэйфэн подхватил Шэнь Цинжаня со стула. Шэнь Цинжань обхватил его ногами за талию, держась крепко, чтобы не упасть, а Сюэ Фэйфэн свободной рукой откинул одеяло и уложил его в постель.

— Лето еще не наступило, нужно одеваться теплее, — Сюэ Фэйфэн согревал в своих руках пальцы Шэнь Цинжаня, которые были холоднее, чем у него, только что пришедшего с улицы.

Сюэ Фэйфэн всерьез забеспокоился: если его не будет рядом, кто будет согревать постель Шэнь Цинжаню?

Шэнь Цинжань обнял Сюэ Фэйфэна за шею и с силой потянул на себя, заставив того

навалиться сверху.

— Только не обманывай меня, — тихо спросил он. — Ты уходишь?

Чан Мин целыми днями твердил о том, что жена должна следовать за армией, но Шэнь Цинжань прекрасно понимал: Сюэ Фэйфэн не может покинуть военный лагерь, а в лагере нет земли, чтобы заниматься фермерством. Да и к тому же, Сюэ Фэйфэн ни за что бы не позволил своей хрупкой жене отправиться на передовую.

Одной из главных причин сотрудничества Сюэ Фэйфэна с Му Вэнькоу было именно желание обеспечить безопасность Шэнь Цинжаню, поселив его на вилле «Тянься».

Боясь раздавить Шэнь Цинжаня, Сюэ Фэйфэн уперся руками в края кровати по обе стороны от него. Он смотрел в его ясные, черно-белые глаза; шелковистые темные волосы рассыпались по подушке, путаясь вокруг пальцев Сюэ Фэйфэна так же, как руки Шэнь Цинжаня обвивали его шею.

Он глубоко вздохнул и ответил:

— Да.

Шэнь Цинжань не удивился. С того момента, как они ступили на горную тропу, ведущую в деревню Лицзяцунь, назад пути уже не было. И хотя всю дорогу они держались за руки, теперь им предстояло отправиться на разные поля сражений.

Поэтому он должен был ждать возвращения Сюэ Фэйфэна.

Зажечь лампаду в тихой ночи, знать, где он находится, и просто спокойно ждать — в этом кроется свое безмолвное счастье.

— Когда?

— Завтра.

Шэнь Цинжань на мгновение потерял дар речи. Он отвернулся, глядя на тусклый свет лампы в форме ласточки:

— Я немного жалею. Мне хотелось бы, чтобы ты остался в деревне Лицзяцунь.

Если бы он так не упорствовал в своем желании заниматься сельским хозяйством, Сюэ Фэйфэну не пришлось бы так рисковать.

Сюэ Фэйфэн с улыбкой ущипнул его за нос:

— Даже если бы не это, Сюэ Лифэн всё равно не оставил бы меня в покое. Я не хочу, чтобы ты вел жизнь в бегах, прячась по углам. Сюэ Лифэну не сдержать войск Бэйхуэя, а их предводитель — жестокий и жадный человек, который давно зарится на богатства Центральных Равнин и Цзяннани. Шпионы не раз докладывали, что предводитель Бэйхуэя целыми днями сидит в своем шатре и планирует, как после объединения Севера и Юга он обложит Цзяннань тяжелыми налогами. Шелк, хлопок, фарфор, чай, зерно, скот — всё это должно будет пойти в качестве дани императорскому двору Бэйхуэя.

Если это произойдет, то все труды Шэнь Цинжаня пойдут прахом, доставшись другим.

Живя в такую эпоху, если не плывешь против течения, тебя неминуемо унесет потоком.

Му Вэнькоу тоже это понял. Ему вовсе не улыбалось смотреть, как Бэйхуэй дочиста разграбляет дело, строившееся сто лет.

Грудь Шэнь Цинжання тяжело вздымалась от гнева. Он вложил столько сил в сельское хозяйство, и ни за что не позволит Бэйхуэю поживиться за его счет:

— Размечтались.

Уж лучше выбросить, чем отдать им!

— Да, мы им ничего не отдадим, — Сюэ Фэйфэн приподнялся, чтобы раздеться. Оставшись обнаженным, он протянул руку, подхватил Шэнь Цинжання и, перевернувшись, устроил его на себе.

— Так, значит, вот как это было нарисовано? — Сюэ Фэйфэн прикусил мочку уха Шэнь Цинжання. — Кажется, мы немного не дотянули.

Лицо Шэнь Цинжання запылало, ладони казались раскаленными — куда ни положи, всё не то. Случайно коснувшись упругого пресса Сюэ Фэйфэна, он почувствовал, как половина тела онемела от смущения.

Шэнь Цинжань прекрасно понимал, на чем именно он сидит. Он поджал губы; ему было и стыдно, и страшно, а тело так обмякло, что не осталось ни капли сил.

Он притворился мертвым, уткнувшись в грудь Сюэ Фэйфэна и закрыв глаза.

Делай что хочешь.

Его ущипнули за ягодицу.

Больно.

Укусили за плечо.

Тоже больно.

Шэнь Цинжань сжимал в руках свои штаны, которые в любой момент могли соскользнуть, сердце колотилось как бешеное. Он ждал и ждал, но следующих действий со стороны Сюэ Фэйфэна так и не последовало.

Неужели... на самом деле... Великий Генерал так ничему и не научился?

Он приоткрыл влажные глаза и встретился с глубоким, как темный омут, взглядом Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн натянул одеяло повыше:

— Сегодня я тебя пощажу. Спи.

Время уже перевалило за полночь, а завтра Сюэ Фэйфэну предстояло отправиться в военный лагерь, так что момент был действительно неподходящим.

Спи...

Шэнь Цинжань остался в подвешенном состоянии. Он закрыл глаза, пытаясь прийти в себя, но спустя долгое время вдруг вытянул ногу и пнул Сюэ Фэйфэна.

До смерти разозлил.

Сюэ Фэйфэн поймал его за лодыжку, помассировал и положил себе на живот.

...

На следующий день небольшой отряд солдат, переодетых в штатское, дежурил у ворот виллы «Тянься», ожидая выхода генерала.

Все вытягивали шеи, надеясь увидеть, не выйдет ли госпожа проводить генерала.

Большинство из них не знало, что Шэнь Цинжань — мужчина, но все они пробовали сладкий картофель, который вырастила госпожа: сытный, вкусный, сладкий и рассыпчатый, просто приготовленный на пару! Говорят, госпожа продолжает заниматься посадками, и если следовать за генералом, то в будущем можно будет есть досыта!

Выпадет ли им шанс хоть одним глазком взглянуть на госпожу, прекрасную, как спустившаяся с небес небожительница?

Внутри виллы Шэнь Цинжань сидел в кресле со скрещенными на груди руками и хмурым лицом, слушая, как Сюэ Фэйфэн монотонно наставляет Чан Мина и Чан Суя не отходить от него ни на шаг, не называть его госпожой при посторонних, вести себя скромнее и прикидываться обычными людьми...

— Когда Жань-Жань работает в поле, не стойте столбами, помогайте ему, — делился опытом Сюэ Фэйфэн.

Чан Мин оказался в затруднительном положении: да кто ж посмеет работать в поле, взвалив госпожу на спину?

Сюэ Фэйфэн возмутился:

— А я сказал тебе сажать его на спину? Неужели не догадаешься раздобыть носилки или кресло, чтобы Жань-Жань мог сидеть?

Совсем не умеет соображать!

Чан Мин:

— Слушаюсь.

Всё понятно, паланкин на восьмерых носильщиках.

Закончив с наставлениями подчиненных, Сюэ Фэйфэн перевел взгляд на Шэнь Цинжаня:

— Жань-Жань, всё еще злишься?

Шэнь Цинжань ответил:

— Забирай и Чан Мина тоже, мне не нужно столько людей.

Два брата всегда были верными спутниками Сюэ Фэйфэна, как же он обойдется без одного из них?

— Чан Сую иногда придется сопровождать мастера Му, поэтому один из них должен остаться, — Сюэ Фэйфэн проигнорировал холодное выражение лица Шэнь Цинжана, наклонился и поцеловал его. — Жди меня и будь умницей.

Шэнь Цинжань отвернулся, его глаза слегка покраснели.

Сюэ Фэйфэн:

— Не сажай слишком много, не переутомляйся. Я поручу Чан Мину следить за тобой. Если не хочешь, чтобы я волновался, будь послушным.

— Угу, — кивнул Шэнь Цинжань. Всё равно, как только Сюэ Фэйфэн уедет, он тут же отправится сажать пятьсот му хлопка.

Небо высоко, император далеко — не уследит.

А если захочет следить — пусть возвращается поскорее.

Сюэ Цзиньфэн тоже должен был сегодня отправиться обратно в старую столицу; его подчиненные проделали огромный путь, чтобы найти князя и просить его вернуться и взять всё в свои руки.

На этот раз Сюэ Цзиньфэну не нужно было ждать, пока брат прогонит его — он собрался сам. Брат собирается вершить великие дела, а он должен вернуться и охранять старую столицу — благоприятное место, где проходит жила дракона, — чтобы потом передать ее брату в целости и сохранности.

С узелком в руках он переводил взгляд с Сюэ Фэйфэна на Шэнь Цинжана и в недоумении подпер подбородок рукой.

Невестка сегодня с утра выглядел каким-то недовольным.

Брат уезжает, а он ни разу не улыбнулся. Зато когда прощался с ним, младшим братом, не забыл пожелать доброго пути.

Сюэ Цзиньфэн пораскинул мозгами и решил, что невестка выглядит так, будто... не получил желаемого удовлетворения.

О-о!

Ну, это уже не те дела, куда младшему брату стоит совать свой нос.

Сюэ Фэйфэн уже сказал всё, что хотел. Слова иссякли, но расставаться вот так просто не хотелось. Он пристально посмотрел на Шэнь Цинжана:

— Я пошел.

— Угу. — Шэнь Цинжань достал из-за спины подушку — ту самую, набитую машем, на которой он часто спал. — Замачивай по три горошины каждый день и дай им прорасти, тогда я буду

знать, где ты.

Система могла бесконечно отслеживать состояние растущих семян. Шэнь Цинжань выделил эту партию маша в отдельную категорию. Как только Сюэ Фэйфэн бросит их в воду и они начнут прорасти, Система сможет отследить их местоположение и состояние.

Пока Сюэ Фэйфэн жив, каждый день будут прорасти три новых боба.

— И не смей пропускать ни одного дня, — с покрасневшими глазами сурово пригрозил Шэнь Цинжань. — Если пропустишь — я сам пойду тебя искать.

Остальные, не слышавшие их разговора, покрылись мурашками от сцены дарения подушки перед расставанием.

Они не могли на это смотреть.

Сюэ Фэйфэн взял подушку и с надеждой посмотрел на Шэнь Цинжана:

— Хочешь сказать еще что-нибудь?

Шэнь Цинжань открыл было рот, но сказал лишь:

— Нет.

— Хорошо.

Сюэ Фэйфэн не был разочарован. В глазах Шэнь Цинжана он уже прочел всю ту глубокую любовь, на которую только мог надеяться.

Он обнял Шэнь Цинжана:

— Не забывай писать письма. На улице сильный ветер, не провожай меня.

Затем, держа в одной руке подушку, а в другой — узелок с вещами, он решительно шагнул за порог. Его силуэт выражал непреклонность, и он так ни разу и не обернулся.

Шэнь Цинжань повернул стопы, сделал полшага, словно собираясь броситься вдогонку, но затем скрепя сердце остался сидеть на стуле.

Сюэ Цзиньфэн подначивал:

— Невестка, неужели ты не проводишь его даже до ворот виллы? Брат только на словах говорит «не провожай», а в глубине души наверняка хочет этого. Посмотри на его спину, мне даже смотреть больно.

— Провожай хоть за тысячу ли — всё равно придется расстаться. Не пойду. — Губы Шэнь Цинжана побледнели. Раз Сюэ Фэйфэну хватило духу сказать «не провожай», то он и вправду не пойдет.

Младший брат топнул ногой. Как же много хлопот с этими женами! Брат и хочет, чтобы его проводили, и боится, что тот расплачется. Какое счастье, что у него самого нет семьи!

...

Отряд у ворот виллы ждал с замиранием сердца, вытягивая шеи, но увидел лишь выходящего в одиночестве генерала.

Все они мысленно осудили Сюэ Фэйфэна за то, что он так тщательно прячет госпожу.

Но стоило Сюэ Фэйфэну переступить порог виллы, как он словно преобразился. Величественный, суровый, вззирающий на мир свысока — словно на поле боя вновь поднялась песчаная буря, возвещающая о возвращении генерала с мечом в руке, приводя врагов в ужас за десятки ли.

Это был бог войны, живущий в сердцах народа Великой Ци.

Тот самый, что некогда сражался в желтых песках, заставляя весь мир восхищенно сжимать кулаки.

Сюэ Фэйфэн возглавил свой небольшой, ничем не примечательный отряд, и их силуэты постепенно растворились в толпе простых горожан.

А на самой высокой смотровой вышке виллы Шэнь Цинжань, вцепившись в перила, не отрывал взгляда от удаляющейся фигуры Сюэ Фэйфэна, пока та не превратилась в размытую тень.

Он обернулся?

Неужели он и вправду думал, что я его не провожу?

Шэнь Цинжань с сожалением предавался этим мыслям, как вдруг заметил, что Сюэ Фэйфэн на мгновение оглянулся. Казалось, он увидел его на самом верху и словно сказал: «Не злись больше».

Шэнь Цинжань беспорядочно вытер слезы и беззвучно выругался:

— Трус.

Только из-за того, что на войне всякое может случиться, не решился пойти до конца, хотя жена уже и в постель легла!

Хотел оставить ему путь к отступлению, даже не спросив, нужно ли ему это!

Осознание этой причины не принесло Шэнь Цинжаню облегчения; напротив, со вчерашней ночи и до сих пор он злился так сильно, что не хотел сказать Сюэ Фэйфэну ни единого лишнего слова.

Сюэ Фэйфэн — трус.

У-у-у.

Он больше не мог разглядеть Сюэ Фэйфэна.

Если бы он сказал еще пару слов на прощание... У него было столько всего, что он хотел сказать.